

Культурология

УДК 069 (091)

Л.А. Карапетян

Карапетян Лева Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ОХРАНЫ МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлен краткий анализ просчетов управленческих структур, прежде всего, Народного комиссариата просвещения, связанных с наличием и содержанием эвакуационных планов. Кроме того, отмечается негативное влияние на сохранность культурного наследия и слабость научно-методических разработок. В первую очередь речь идет об отсутствии четких критериев памятников, предназначенных для вывоза и отождествления понятий «музейные ценности» и «художественные ценности».

Ключевые слова: охрана, музейные собрания, государственная политика, годы войны.

L.A. Karapetyan

Karapetyan Leva Aleksandrovich, doctor of history, professor of department of history, cultural studies and museology of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: leva.karapetyan.53@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE DEFICIENCIES OF THE STATE POLICY FOR THE PROTECTION OF MUSEUM ASSEMBLIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article provides a brief analysis of miscalculations of management structures, primarily the People's Commissariat of Education, related to the presence and content of evacuation plans. In addition, there is a negative impact on the preservation of cultural heritage and the weakness of scientific and methodological developments. First of all, we are talking about the absence of clear criteria for monuments intended for export, as well as the identification of the concepts of «museum values» and «artistic values».

Key words: security, museum collections, public policy, years of war.

В 1930-е годы сформировалась организационно-правовая структура охраны культурного наследия, в которой, в сущности, безраздельно доминировала государственная охрана. Однако единая система отсутствовала. Памятники искусства в 1936 г. были выделены из общей массы культурного наследия, находящегося в компетенции Народного комиссариата просвещения (НКП), и переданы во ведение Комитета по делам искусств. Комитет по делам искусств находился в составе Совета народных комиссаров (СНК) СССР [7, с. 349; 8, с. 229]. В РСФСР в состав СНК входил Начальник управления по делам искусств и республиканский Народный комиссариат просвещения [7, с. 363]. В таком виде она продолжала работать в годы Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны проблема охраны культурного наследия, в том числе сохранение музейных коллекций, стала острейшей. Составной частью музейной работы стала эвакуация ценностей культуры из музеев тех регионов, к которым приближался фронт. Известно, что по

указанию Гитлера в вермахте был создан специальный рейхкомиссариат под руководством генерала Розенберга «Остланд» для вывоза ценностей культуры с оккупированных территорий. Полномочия штаба Розенберга определялись распоряжением Гитлера от 1 марта 1942 г., в котором дано указание конфисковывать (фактически – грабить) культурные и научные ценности библиотек, архивов, музеев и других учреждений культуры. Поэтому жизненно важными оказались усилия советских людей, прежде всего, музейных сотрудников по спасению культурного достояния народа. Эвакуация музейных собраний являлась частью государственной политики в условиях начавшейся войны, где имелись успехи и просчеты. Судя по приказам Наркомпроса 1941 г. «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов в годы войны» и «О формах функционирования музеев в условиях военного времени», перед государством стояли две главные задачи: сохранения музейных ценностей и определения форм деятельности музеев в чрезвычайных условиях.

В статье обращается внимание на отдельные аспекты первой задачи и ставится цель краткого анализа некоторых просчетов в государственной охране движимых культурных ценностей.

Уже постановление Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 2 июля 1941 г. «О порядке подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне и порядке организации групп самозащиты на территории РСФСР» указывало на необходимость организовывать противовоздушную оборону своих зданий, срочно подготовить наиболее ценные коллекции фондов музеев прифронтовой полосы к эвакуации в тыл страны. Что касается первой части указанного документа, то с этими мерами музеи справились. Сложнее вопрос, связанный с эвакуацией. В этой проблеме можно выделить несколько аспектов: наличие эвакуационных планов; причины неудовлетворительных эвакуационных планов; пересмотр эвакуационных планов. Известно, что 24 июня 1941 г. при СНК СССР был образован Совет по эвакуации, определивший время, порядок, очередность

эвакуации, в том числе культурных ценностей, и пункты их размещения. В РСФСР в Народном комиссариате просвещения вопросами эвакуации в период войны заведовал заместитель наркома просвещения Н.Ф. Гаврилов. Но следует сказать, что Народный комиссариат просвещения планов эвакуации на случай военной угрозы не имел, за исключением Ленинграда, Ленинградской области, Приморского края, Крымской АССР[6, с. 175–176]. Относительно указанных территорий их наличие определялось близостью к границе. Для музеев этих территорий эвакуационные планы разрабатывались в 1932–1936 гг., но затем, в сущности, не менялись.

Сравнительно благополучной ситуация была в музеях, находящихся в ведении Комитета по делам искусств. Применительно к Ленинграду, в частности отметим Государственный Эрмитаж и Русский музей. У них вопросы вывоза музейных ценностей в чрезвычайных условиях были хорошо продуманы еще до Великой Отечественной войны. Однако и при этом в связи с медлительностью Комитета по делам искусств, разрешение которого на эвакуацию поступило с опозданием, упаковка музейных предметов началась на сутки позже. Директор Эрмитажа, академик И.А. Орбели, понимал пагубность промедления, но не мог не подчиняться вышестоящей инстанции. В итоге известно, что были вывезены экспонаты первой и второй очереди, а третью очередь вывезти не успели. Из Русского музея вывезти успели только коллекции первой очереди.

В других музеях эвакуационные планы во многом носили формальный характер и не пересматривались, что выявилось уже в первые дни войны. Это сказалось в частности на эвакуационной работе музеев-дворцов Ленинграда. Только ценности первой и второй очереди согласно спискам 1938–1939 гг. упаковывались более тщательно, поскольку для них имелись упаковочный материал и тара. А для других музейных предметов в качестве упаковочного материала использовались свежее сено и солома. Первые три очереди успели эвакуировать по железной дороге в Горький, четвертую и пятую очереди – в Сарапул Удмуртской АССР. Всего из дворцов музеев было эвакуировано

40765 музейных предметов. Это, хотя и самая ценная, незначительная часть. При этом из них 12 тыс. предметов последней очереди были доставлены в Ленинград, помещены в подвалы Исакиевского собора [6, с. 179]. А музеи, находящиеся в составе Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета планов эвакуации не имели, а следовательно, они не располагали заранее подготовленными списками музейных предметов, подлежащих эвакуации, не имели необходимой для дальних перевозок тары и упаковочных материалов.

К сожалению, в таком положении находились и большинство московских музеев, кроме художественных музеев. Они в предвоенные годы эвакуационных планов не имели. НКП разработал их только в начале июля 1941 г. Здесь эвакуацией руководил музейный отдел Наркомпроса РСФСР во главе с А.Д. Маневским. При этом в спешке не могли быть учтены объективные потребности музеев в транспортных средствах и возможности их размещения в предполагаемых пунктах. Например, планировалось отправить музейные ценности в Киров и Свердловск, но в эти города уже поступали соответственно музейные собрания из Новгорода и Пскова, Эрмитажа. Отсюда данный план не был реализован и уже по ходу определялись и вывозили в другие места. К причинам такого положения в Москве, конечно, относится его отдаленность от государственной границы. Но следует сказать и о недальновидности НКП как факторе неподготовленности московских музеев в чрезвычайных условиях. Так, еще 24 июня 1941 г. Н.Ф. Гаврилов на совещании говорил о том, что не планируется свертывание работы музеев. Отсутствие эвакуационных планов в музеях Москвы привело и к неподготовке списков очередности вывоза, незнанию необходимого количества транспорта, тары, упаковочного материала. Все это начали делать после начала войны.

Не было четких критериев для вывоза. Народный комиссариат предписал разделить музейные ценности на три группы. На одном из совещаний начальник музейного отдела А.Д. Маневский предложил

разделить музейные предметы прифронтовой территории на три очереди. Предметы первой очереди подлежали обязательному вывозу, т.е. спасти даже с опасностью для жизни. Ко второй очереди относились предметы, которые следовало эвакуировать при возможности. Третья очередь – это предметы, которые оставались на местах, и маскировалась, а можно было и не маскировать. Однако это были только общие указания, которые не всегда могли быть руководством к действию, поскольку трудно было классифицировать на ранги из большого количества ценных предметов и нехватке транспорта. Это, на наш взгляд, свидетельствует о просчетах государства в научно-методических разработках. Однако в напряженных условиях все же удалось провести необходимую работу и эвакуировать ценности из Государственного хранилища № 1. В него входили, в том числе, и Государственный исторический музей, Государственный музей революции СССР, Государственный литературный музей, Государственный музей народов СССР, Государственный политехнический музей и другие. В июле 1941 г. в его составе было вывезено 530 ящиков ценностей Государственного исторического музея, 71 ящик – Государственного музея революции СССР, 25 ящиков – Государственного литературного музея, 73 ящика – Государственного музея народов СССР, 10 ящиков – Государственного политехнического музея, которые с большими трудностями прибыли в Кустанай в декабре 1941 г. Однако еще оставалось немало ценных предметов в музеях Москвы. По приказу Наркомпроса от 15 августа 1941 г. начальнику музейного отдела А.Д. Маневскому указывалось создать для оставшихся коллекций объединенное хранилище № 2 для фондов Литературного музея, Музея революции, музея народов СССР, Биологического музея, Музея Дарвина и др. Начальником этого хранилища назначалась Ц.М. Малая. Хранилище располагалось на Берсеневской набережной, в церкви Николы на Берсеневке [6, с. 183–185]. Планировалось, что они вскоре будут вывезены. Но в октябре 1941 г., в связи с угрозой Москве, город 19 числа был объявлен Государственным Комитетом Обороны на осадном положении [8, с. 247].

Ц.М. Малая самовольно покинула город, оставив ценности без присмотра. И только благодаря сотрудникам Литературного музея часть коллекций хранилища была вывезена в декабре 1941 г.

Вместе с тем Наркомпрос РСФСР осенью-зимой 1941 г. не проанализировал сложившуюся ситуацию по вопросу об эвакуации музейных ценностей, не вскрыл причины ошибок с целью предотвращения и недопущения повторения аналогичных ошибок в других регионах. Хотя необходимо отметить, что заместитель начальника управления политико-просветительной работы Наркомпроса М.В. Раузен 15 января 1942 г. представил на имя наркома просвещения В.П. Потемкина записку «О ходе работы по эвакуации ценных фондов музеев и библиотек Наркомпроса РСФСР из городов прифронтальной полосы». Однако в нем, в сущности, отсутствовал анализ просчетов и трудностей, а говорилось в основном о задачах дальнейшей эвакуации музейных и библиотечных ценностей и организации их хранения в новых условиях.

Поэтому в ходе продолжающейся войны, на территориях, которые становились прифронтными, летом 1942 г. вышеуказанные просчеты повторялись. Планы эвакуаций музеев этих районов НКП РСФСР подготовил лишь 23–28 июля 1942 г. [6, с. 188]. В частности, это касалось и музеев Краснодара. Например, часть коллекций Художественного музея им. Ф.А. Коваленко была эвакуирована 29 июля 1942 г., во многом благодаря работе его сотрудников [5, с. 17–18]. При этом также следует иметь в виду и то, что наиболее слабым звеном управленческого аппарата оставались местные государственные структуры.

Как уже указывалось, более подготовленными к условиям военного времени оказались художественные музеи, находившиеся во ведении Комитета по делам искусств. Здесь были подготовлены списки ценностей, подлежащих эвакуации, имелась тара и упаковочный материал, пункт вывоза памятников. Следует заметить, что художественные ценности имели приоритет в системе охраны культурного наследия. С этим связана и

интерпретация понятия "памятники истории", сложившаяся после музейного съезда в декабре 1930 г. Понятие «музейные ценности» отождествлялось с понятием «художественные ценности». Т.е. в основе просчетов лежит и теоретический фактор.

Однако отмеченные просчеты не умаляют значения проделанной работы музейными сотрудниками. В тяжелых условиях на восток были перемещены 66 крупнейших музеев из 15 областей, 2-х краев, 2-х автономных республик [6, с. 190].

После вывоза остро встал вопрос об организации хранения вывезенных материалов, поскольку практически не было свободных помещений. Они в основном размещались в местных музеях за счет уплотнения их запасников, а также частичного или полного закрытия экспозиций, а в некоторых случаях и музеев. Использовались и здания, не рассчитанные на хранение вообще. Кроме того, многое хранилось в упакованном виде. Однако следует отметить и то, что в годы войны для музеев РСФСР было создано 9 крупных специализированных хранилищ. 7 мая 1942 г. Наркомпрос РСФСР утвердил «Временное положение о государственном хранилище, а 30 июля того же года – «Временную инструкцию по охране музейных фондов системы Наркомпроса РСФСР» [6, с. 191–192].

Хотя и музеи тыла не находились в нормальных условиях, но наибольший ущерб понесли музеи, оказавшиеся на оккупированной врагом территории. Общеизвестны следующие цифры: разграблено 427 музеев, вывезены из страны более 100 тыс. ценных музейных памятников, уничтожены не менее 3-х тыс. архитектурных памятников, разрушено много старинных русских городов. Кроме того, они разрушили 1670 православных церквей, 237 костелов, 532 синагоги, 69 часовен, 258 других культовых зданий, разорили свыше 44 тысяч театров, клубов и красных уголков и т.д. [3, с. 165].

Однако отметим, что в период войны 1941–1945 гг. начинается работа по сохранению памятников истории Великой Отечественной войны (сбор

фронтовых писем, наград, оружия войны, личных вещей героев, документов партии и правительства, а также местных органов власти по мобилизации средств и усилий народа на разгром врага и т.п. Музеи должны были выявить все памятники и памятные места, связанные с героическими делами Красной Армии, партизан, героев фронта и тыла, взять на учет, составить научное описание, принять на государственную охрану и популяризировать). В этой связи отметим два методических письма от июня 1942 г., посвященных сбору материалов о войне и постановке на учет недвижимых памятников: «О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны», «О сборе, учете и обработке материалов о памятниках и памятных исторических местах Великой Отечественной войны» [4, с. 735–741]. Каждая вещь, фотография, рисунок, письмо или иной документ тщательно аннотировался музейными работниками и приобретал черты мемориальности, превращался в музейный предмет. Проводились опыты, записи рассказов участников войны, тем самым формировалась историческая источниковая база. Особое внимание уделялось музеями сохранению предметов и увековечению подвига героев войны. Так, только коллектив Государственного Исторического музея (ГИМа) пополнил фонды своего музея более чем на 12 тыс. единиц хранения.

1 февраля 1945 г. советское правительство приняло постановление «О неотложных мерах по восстановлению 15 городов РСФСР», согласно которому в краткие сроки необходимо было закончить восстановление и реконструкцию центров древнерусской культуры, полностью или частично разрушенных во время войны [3, с. 170].

Таким образом, в годы войны ответственными за охрану движимого культурного наследия государственными структурами были допущены просчеты, что не могло сказаться и на количестве потерь. Сказалась и двойная подчиненность музеев: Комитету по делам искусств и Наркомпросу, т.е. отсутствовал единый координирующий государственный орган. На это повлияли и недостатки в разработке теоретических и научно-

методических вопросов. Однако эвакуация культурных ценностей в чрезвычайных военных условиях и в таких масштабах были бы невозможны без доминирования государственной системы охраны. Хотя, возможно, обстоятельства войны отодвинули эту проблему на второй план. Но это не умаляет заслуги в сохранении культурного наследия музейных работников.

Список используемой литературы:

1. Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990.
2. Из истории охраны и использования культурного наследия в РСФСР. М., 1987.
3. *Кулемзин А.М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001.
4. Музееведческая мысль в России. XVIII–XX веков. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М., 2010.
5. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных в период Второй мировой войны. Т. 16. Краснодарский краевой художественный музей им. Ф.А. Коваленко. М., 2009.
6. *Фатигарова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Ч. 1. М., 1991. С. 190.
7. Хрестоматия по истории государства и права России / Составитель Ю.П. Титов. М., 2004.
8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1994.